

УДК 82.03; 82.111(091)(092)“15”

Джон Лили
КАМПАСПА
(*Блистательная комедия*)

Перевод и комментарии

Елена Николаевна Черноземова

профессор кафедры всемирной литературы

Московский педагогический государственный университет

117279, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 51, кор. 1, кв. 92. chernozem888@yandex.ru

Наш журнал завершает публикацию «блистательной комедии» современника Шекспира, придворного драматурга королевы Елизаветы Джона Лили «Кампаспа» (1584). Предваряющая текст пьесы статья переводчика и комментатора Е.Н.Черноземовой и три акта комедии со списком действующих лиц и комментариями опубликованы в №№ 5-6, 2009 г. и №1(7), 2010 г. В настоящем номере публикуются 4 и 5 акты.

Ключевые слова: английская литература; комедия Ренессанса; Джон Лили; перевод; комментарий.

АКТ IV

IV, 1

<Рыночная площадь. Бочка ДИОГЕНА>

СОЛИНИЙ, ПСИЛ, ГРАНИК, МЭН, ДИОГЕН, НАРОД

СОЛИНИЙ

Вот место, время и тот день, когда взлетает
Диоген.

ПСИЛ

Я не пропущу полета такого важного петуха,
как *Диоген*, несмотря на то, что хозяин и обе-
щал поступить со мной как с ничтожеством.

ГРАНИК

Что, *Псил*, осел будет махать крыльями сего-
дня?

ПСИЛ

Увидим, вон идет *Мэн*. *Мэн*, все состоится?

<Входит МЭН >

МЭН

Сос-гаится? Он так умело таится, лучше уме-
лой пчелы. Короче, он просто притаится.

ГРАНИК

Как он полетит? У него есть перья?

МЭН

Осел! Перья бывают у каплунов, гусей и сов.
А он нашел старые вощенные крылья *Дедала* и

примерял их целый месяц. Он так широк в
плечах. О, вы увидите его, разрезающим воз-
дух почти как черепаха.

СОЛИНИЙ

Мне думается, столь разумный человек не
может быть настолько сумасшедшим: его тело
должно быть слишком тяжелым.

МЭН

Отчего же, он не ел ничего восемь последних
вечеров, кроме пробки и перьев.

ПСИЛ (*в сторону*)

Оставленных ему *Мэном*.

МЭН

Он уже прозрачный и может отказаться от
полета в полночь.

<НАРОД стекается>

МЭН

Смотрите, они начали собираться и призывать
моего хозяина взлететь.

<ДИОГЕН выходит из бочки>

ДИОГЕН

Вы, безнравственные и осточертевшие Афи-
няне, ваши тела заставляют землю страдать, а
дыхание заражает воздух зловонием. Вы
пришли, чтобы увидеть летающего *Диогена*?
Диоген пришел увидеть вашу низость! Вы зо-

вете меня собакой: что же, я уже давно добирюсь до костей под вашими шкурами. Вы называете меня человеконенавистником: нет, я противник ваших манер. Вы живете беспутно, не боясь смерти, что доказывает: смерть ваша будет ужасной, без надежды на жизнь. Чем вы заняты в Афинах: только спите днем и пресыщаетесь ночью: утром с гордостью обращаетесь к богам, вечером надуваете богов, обжираясь! Вы льстите царям и называете их богами: скажите правду о себе и признайте себя ничтожествами! У пчел вы взяли и мед, и воск, чтобы выстроить свою религию, приспособив ее к случаю, а не по правде. Ваши грязные вожеления вы окрасили пристойной краской любви. Оскорбительное узаконили, назвав домашним порядком, а тайные преступления сохраняете под именем общественного правосудия. Вы заставили Александра высушить источники и насадить вина, посеять ночную фиалку и выполоть все остальное, стричь овец и охранять лис. Совесть заклеимлена в Афинах. Клятвы идут из-под раскаленного металла; ложь от острого ума, болтовня от беглой речи, неблагонадежные разговоры от веселого состояния духа. Все узаконено в Афинах. То ли вы думаете, что в мире нет богов, то ли я должен думать, что вы не люди. Вы строите, как будто будете жить вечно, и пресыщаетесь, как будто умрете завтра. Никто не учит истинной Философии, кроме *Аристотеля*, потому что он был школьным учителем царя! О времена! О люди! О испорченность нравов. Помните, что зеленая трава может стать сухим сеном. Когда вы спите, то не уверены, что проснетесь; а когда встаете, не убеждены, что ляжете снова. Вы выглядите не выше, чем ваши головы, лежащие на одном уровне с вашими ногами. Так не пролетелся ли я над вашими беспорядочными жизнями? И если вы не пожелаете очеловечить ваши нравы, я научусь летать и улечу от вас, чтобы быть ближе к праведности.

СОЛИНИЙ

Ты неистовствуешь, *Диоген*, потому что твоя жизнь не согласуется с твоими словами. Не я ли видел тебя выходящим из публичного дома?

ДИОГЕН

Выходить не стыдно, позорно входить.

ГРАНИК

Было бы хорошо, *Мэн*, отлупить твоего хозяина.

МЭН

Ты его готов сожрать.

ОДИН ИЗ ЛЮДЕЙ

Ты всех нас одурачил и не полетишь?

ДИОГЕН

Я сказал вам, откуда вы не станете честными, я не полечу.

ЛЮДИ

Пес. Пес! Держи кость!

ДИОГЕН

Твоему отцу нет надобности бояться собак, собакам надо его бояться!

ЛЮДИ

Мы расскажем *Александру*, что ты порицал его у него за спиной!

ДИОГЕН

А я скажу ему, что вы льстите ему прямо в лицо!

ЛЮДИ

Мы скажем всем мальчишкам, чтобы освистывали тебя на улице!

ДИОГЕН

Вижу, афиняне готовят своих детей быть порочными, ведь им предстоит стать афинянами.

МЭН

Как, хозяин, вы хотите сказать, что не полетите?

ДИОГЕН

Нет, *Мэн*, без крыльев нет.

МЭН

Все будут считать вас лжецом.

ДИОГЕН

Нет, ручаюсь тебе, поскольку я стану всегда говорить, что афиняне клеветники.

ПСИЛ

Мне это не важно, меня достаточно позабавил вид этого сборища стариков, лишенных привычного покоя.

ГРАНИК

И меня.

ПСИЛ

Идем. Впредь, если я буду откровенно заноситься перед кем-нибудь, это будет называться "Я полетел!"

IV, 2

<Комната в доме АПЕЛЛЕСА как и ранее >

КАМПАСПА (одна)

Трудно решить, *Кампаспа*, то ли твой выбор совершенно безумен, то ли это несчастливая случайность. Неужели ты предпочтешь – но постой, не произноси слов, каждое из которых заставляет пылать уши от подобных мыслей. Тс-с! Лучше болтать языком, чем сердцу разорваться! Неужели художник вкрался в твой рассудок глубже, чем царь? *Апеллес* глубже, чем *Александр*? Доверчивая девчонка! Глубины твоего сознания невольно подсказывают предначертанное при рождении. Но, увы!

Влюбленность – это пламя, занимающееся одинаково хорошо и в ежевике, и в дубе, и занимается оно там, где вспыхнуло, а не там, где могло бы гореть лучше. Жаворонки, что равнодушно парят в небесах, устраивают гнезда низко на земле; а женщины, которые обращают свои взгляды на царей, могут посвятить сердца их вассалам. Игла подойдет для твоих пальцев лучше, чем лютня, и прялка более по размеру твоей руке, чем скипетр. Муравьи живут в безопасности, пока не обретают крыльев, а можжевельник не расцветает, пока не вытянется. Среднее сословие беззаботно до тех пор, пока живет без гордыни. Но вот идет *Апеллес*, в котором мне хотелось бы найти ту же страсть.

< Входит АПЕЛЛЕС >

АПЕЛЛЕС

Госпожа, моя неудача с Вашим портретом принесет вам некоторое неудобство. Придется снова сесть и позировать.

КАМПАСПА

Спокойно сидеть для меня небольшая неприятность, но для вас безграничная – спокойно писать.

АПЕЛЛЕС

Мадам, писать Венеру было удовольствием, а изображать сладостное лицо *Кампаспы* – блаженство.

КАМПАСПА

Если бы язык выражал то, что у Вас в сердце, в Ваших словах отразились бы Ваши мысли.

АПЕЛЛЕС

Что сделать мужчинам, чтобы им поверили?

КАМПАСПА

Вложить сердце в то, что говорят.

АПЕЛЛЕС

Они так и делают, говорят то, что думают.

КАМПАСПА

Хотелось бы, чтобы было так.

АПЕЛЛЕС

А мне бы не хотелось.

КАМПАСПА

Отчего же? Им есть, что скрывать?

АПЕЛЛЕС

Не в любви, но любовь. Но вы позволите мне задать вам один вопрос, только без обиды?

КАМПАСПА

Да, если вы мне ответите на другой без извинений.

АПЕЛЛЕС

Кого вы любите больше всего на свете?

КАМПАСПА

Того, кто создал меня.

АПЕЛЛЕС

Бога?

КАМПАСПА

Я полагала, что это был человек. А что вы цените более всего, *Апеллес*?

АПЕЛЛЕС

Предмет, похожий на вас, *Кампаспа*.

КАМПАСПА

Мой портрет?

АПЕЛЛЕС

Я не смею претендовать на Вас. Но надо идти: *Александру* покажется, что мы долго не возвращаемся.

<УХОДЯТ В СТУДИЮ>

IV, 3

<Комната во дворце>

КЛИТ

Мы ничего не получили от нашего посольства, форма, вероятно, затуманила нам глаза, щекотала уши и воспаляла наши сердца. А чем занят *Александр* в межсезонье? Только соль – фа – ля для пиров, перины для жесткой кушетки, кубки вина там, где раньше была лишь пригоршня воды.

ПАРМЕНИОН

Мне не нравится эта новая обходительность и нежный мир: поскольку что еще мы можем теперь видеть, кроме чего-то мягкого в сознании каждого, зачем? Пчелы мастерят ульи в солдатских шлемах, у наших лошадок наколенники из золота вместо седел из стали, приказов чистить ржавчину на оружии больше, чем ран, полученных при завоеваниях стран наших врагов. С тех пор как *Александр* выпал из своих тяжелых лат в мягкие мантии, заметь, изменилось лицо его двора: юнцы, которые имели обыкновение нести тяготы побед на своих щитах, выделяют теперь любовные вензеля в своих кругах; те, кто приказывал рысью на конях атаковать врагов с налета, теперь с легкостью проносятся вверх и вниз в угоду придворным девицам; вместо мечей и стрел и того, чтобы подвергнуть свою жизнь опасности, они используют перо и бумагу, чтобы выразить свою любовь. Так страх и слабость растут при дворе, там желаннее для слуха зов горна к охоте, чем трубы к бою! О, *Филипп*, если бы ты был жив и видел эти перемены, твои солдаты превратились в баб, воины в любовников, носят перчатки на вельветовых шляпах вместо плюмажей на тяжелых шлемах, ты бы умер среди них от скорби или разогнал бы их от злости.

КЛИТ

Перестань, *Парменион*, не умножай словами того, что тебе противно, ты же чувствуешь, это не по тебе. Правда не бывает без царапин на лице, ей хоть и не вырывают язык, но связать могут.

ПАРМЕНИОН

Да, жаль немного *Гефестиона*, который жаждет славы, а не легкости: но такова его судьба в дружбе с *Александром*, он должен класть подушку ему под ушко, лишь только тот подаст знак рукой. Но пора кончать с рассуждениями и понять, что им проще сохранить такт в танце, чем держать строй в марше.

IV, 4

<Студия АПЕЛЛЕСА>

АПЕЛЛЕС, КАМПАСПА

АПЕЛЛЕС

Я уже почти закончил, *Кампаспа*.

КАМПАСПА

А вы говорили мне, что никогда не закончите.

АПЕЛЛЕС

Никогда не перестану любить, моя любовь будет вечной.

КАМПАСПА

Это никогда не имеет ни начала, ни конца.

АПЕЛЛЕС

Вы близки к ошибке, надеюсь, вы не будете разочарованы.

КАМПАСПА

Что вы скажете *Александру*, если он узнает о вашей любви?

АПЕЛЛЕС

Скажу, что любить – не измена.

КАМПАСПА

А что если он не потерпит, чтобы Вы виделись со мной.

АПЕЛЛЕС

Тогда я для отвода глаз буду продолжать Ваш портрет.

КАМПАСПА

Это не насытит вашего сердца.

АПЕЛЛЕС

Зато это утолит мой взгляд: кроме сладких мыслей у меня есть и реальные надежды, ваши обещания верности заставят меня ощутить Ваше изображение в моих руках, в него при большом воображении я вдохну и плоть.

КАМПАСПА

Что ж, мне нужно идти. Уверяю Вас, для меня лучше находиться в Вашей мастерской и размешивать краски, чем приобщаться к богатствам при дворе *Александра*.

<КАМПАСПА> (одна)

Глупая девчонка, что ты наделала! Но, увы! Уже ничего не переделать, и я чувствую себя совершенно разделанной. Но важно качество, а не количество. О *Апеллес*, твоя любовь идет от сердца, а у *Александра* она на языке. Любовь царей как порыв ветра, который может порой мягко петь среди листьев, но может и вырывать деревья вместе с корнем; она может греть на расстоянии, как костер, который теплится вдали, но жжет, когда под рукой; она как море, которое увлекает людей плавным разливом, а затем раздражается страшным штормом. Они пользуются чувствами расчетливо, преследуя свои цели. Если он нахмурится, кто посмеет сказать, что он непостоянен? Если разгласит тайну, кто назовет бесчестным? Если увлечется другой любовью, разве назовут его неверным? В царях не может быть любви ни к кому, только к царицам, поскольку они должны быть сходны в величии, как и в страстях. Необходимо держаться подальше от любви царей, *Юпитера* и молний.

IV, 5

<Там же>

АПЕЛЛЕС и ПАЖ

<АПЕЛЛЕС выходит из студии>

АПЕЛЛЕС

Теперь, *Апеллес*, соберись с мыслями: *Кампаспа* не менее разумна, чем прекрасна, и ты должен быть не менее умен, чем верен. Не шуточное дело быть соперником *Александра*.

<Входит ПАЖ>

ПАЖ

Апеллес, тебе предписано немедленно явиться с картиной; царь считает, что ты ее завершил и теперь лишь забавляешься.

АПЕЛЛЕС

Не начать ли мне забавляться с картинами, у меня их столько!

ПАЖ

Но нет ни одной, которую бы ты так любил.

АПЕЛЛЕС.

Может быть, потому что ни одну я не написал настолько же хорошо.

ПАЖ

Я знаю много более прекрасных полотен.

АПЕЛЛЕС

А я более любезных мальчиков.

АКТ V

V, 1

<Городская площадь с бочкой ДИОГЕНА>

<Входят > ДИОГЕН, СИЛЬВИЙ, ПЕРИМ, МИЛО,
ТРИКО, МЭН

СИЛЬВИЙ

Диоген, я привел сыновей к тебе учиться.

ДИОГЕН

Что они умеют делать?

СИЛЬВИЙ

Сейчас увидишь. Давай, танцуй!

<ПЕРИМ танцует >

ДИОГЕН

Более и менее.

СИЛЬВИЙ

Музыка очень хороша.

ДИОГЕН

Музыкант очень плох. Кто только и знает, что подстраивать струны в тон, никогда не обретет своего собственного звучания.

СИЛЬВИЙ

Ну, посмотрим других. Начинай, ну!

<МИЛО показывает акробатические трюки>

ДИОГЕН

Вижу шалуна, который рожден для того, чтобы сломать шею озорством, доведенным до искусства.

МИЛО

Эта собака покусает меня, я не останусь с ним.

ДИОГЕН

Не бойся, мальчик, собаки не питаются лопухами.

ПЕРИМ

Интересно. Какой бы ты был собакой, если бы был собакой?

ДИОГЕН

Когда голоден, мастифом, а когда желудок полон, спаниелем.

СИЛЬВИЙ

Ты так зол. Веришь ли ты в существование богов?

ДИОГЕН

Я просто обязан в них верить, потому что полагаю их тебе противоположными.

СИЛЬВИЙ

Почему это?

ДИОГЕН

Потому что ты научил одного из сыновей управлять ногами и не стремиться к учению, другого владеть телом и не владеть разумом.

ПЕРИМ

Ты ничего другого не умеешь, как только рычать да гавкать, как собака.

ДИОГЕН

Это единственный способ избавиться от тебя.

СИЛЬВИЙ

Но послушай *Трико*. Он поет, как соловей.

ДИОГЕН

Неважно, я слышал настоящих соловьев.

СИЛЬВИЙ

Пой, давай!

<ТРИКО поет >

То пенье ль птицы? Песню лей,

О, несравненный соловей!

“Даг-даг-даг-терру”, – он поет.

Мотив в полночи плывет.

Вот острый ритм. Чья песня, чья?

Песнь жаворонка слышу я.

Пока не встрепенется он,

Спит утро беспробудным сном.

“Слышь, слышь”, – прелестное плывет.

Ах, то малиновка поет.

Услышь кукушки звук живой,

Она кукуется с весной.

Она кукуется с весной.

СИЛЬВИЙ

Диоген, я уверен, ты так не споешь!

ДИОГЕН

Но так споеет любая малиновка.

СИЛЬВИЙ

Чему ты учишь твоего слугу, *Мэна*?

ДИОГЕН

Быть неприятным, как твои сыновья.

МЭН

Он учит меня поститься, отчаянно врать и убежать.

СИЛЬВИЙ

Что скажешь, *Перим*, останешься с ним?

ПЕРИМ

Я?! И он, прежде всего, научит меня убежать.

ДИОГЕН

Тебя незачем учить, у тебя и так проворные ноги.

СИЛЬВИЙ

Что скажешь ты, *Мило*? Останешься ли ты?

ДИОГЕН

Нет, успокойся, он не останется.

СИЛЬВИЙ

Почему?

ДИОГЕН

Не достаточно места для меня и для него в одной бочке.

СИЛЬВИЙ

Я утверждаю, *Диоген*, что моих сыновей не устроили твои манеры.

ДИОГЕН

Но все же, думаю, после того, как они узнали о моих достоинствах.

СИЛЬВИЙ

Прощай, *Диоген*, тебе не нужно будет вырывать корни, если ты соберешься последовать за *Александром*.

ДИОГЕН

А тебе следовать за *Александром*, даже если ты вырвешь корни.

V, 2

<Там же>

АПЕЛЛЕС *один*

АПЕЛЛЕС

Боюсь, *Апеллес*, твои глаза выболтали то, о чем не посмел сказать язык. Как ничтожна твоя награда! Пока *Александр* созерцал *Кампаспу*, тебе оставалось только уставиться на ее изображение. И если он заметит или хотя бы заподозрит, тебе придется погибнуть одновременно и от его гнева, и от своей любви. Ты имел бледный вид, когда он краснел, ты мрачнел, когда он улыбался, ты вздыхал, когда он задавал вопросы, все это взрастит в нем подозрение, а то и ярость. О, любовь! До сих пор я не знал, что это такое, а теперь ты заставила меня перестать понимать, что я такое. Теперь я знаю только одно, что я должен преодолеть непереносимую страсть ради неведомых удовольствий. Не спорь со случаем, негодяй, а будь с ним в согласии: уж лучше плавиться от желания, чем погибнуть от любви. Охлади себя в своей собственной постели, удовлетворишься жизнью в безывестности и умри никем. О, *Кампаспа*, я запечатлел тебя в своем сердце. Запечатлел? Нет, вопреки особенностям моего искусства, я его высек и притом в таких глубинах существа, что никто не доберется до изображения, пока не вынет из меня сердца.

V, 3

<Там же>

<Входят> МИЛЕКТ, ФРИГИЙ, ЛЭИС <к> ДИОГЕНУ
<в бочке>

МИЛЕКТ

Все продвигается с трудом, но в этой мирной жизни есть своя прелесть.

ФРИГИЙ

Опустим рукоятки и превознесем ножки, этот мир как раз для этого случая.

ЛЭИС

Светлые юноши! Если вы узнали, чего стоило сохранить ваши светлые жизни, не растрчивайте их так глупо. Какое удовольствие может быть в нанесении глубоких ран, в том, чтобы покрывать безобразными шрамами прекрасные лица и исказить увечиями стройные ноги? Так, рождаясь здоровыми от природы, люди калечат себя по глупой случайности, и при этом всякий раз обращаются к одинажды найденному слову, которое звучит как “доблесть”, слово, которое порождает больше недовольства, чем здравый смысл похвал.

МИЛЕКТ

Верно, Лэис, пуховая перина не имеет себе равных, хорошая выпивка улучшает кровь, и потоку слов не расплескать ее.

ФРИГИЙ

Я намерен наслаждаться жизнью и растягивать ее так, как вытягивают проволоку, а не сокращать у ножовщиков.

ЛЭИС

Ты можешь рассказывать о войне, много говорить, завоевывать миры высокими словами, но оставаться дома, где вместо тревог будут танцы, а вместо стычек со свирепыми воинами – приятные столкновения с прекрасными женщинами. Свинцовые латы никогда не смогут так хорошо сидеть, как атласные двойки. Поверь мне, ты не проникнешься прелестью мира, пока не научишься презирать грубость войны.

МИЛЕКТ

Это так. Но смотри, *Диоген* высунул нос из-за своей бочки. Диоген, что ты скажешь этому куску мяса?

ДИОГЕН

Скажу, что выплюнул бы его, чтобы не испортить себе желудок.

ФРИГИЙ

Ну, сказал, так сказал. Это мясо не для собак.

ДИОГЕН

Я собака, а Философия спасает меня от гнили.

ЛЭИС

Нецивилизованный негодяй, твои манеры соотносимы с твоим прозвищем. Было время, когда я достаивала тебя своим обществом, не было ли это, как ты говоришь, слишком дорогой ценой!

ДИОГЕН

Да, помню, было такое, в чем я раскаялся. Теперь ты об этом напомнила: действительно, мне это обошлось дорого, да ты не дорога никому.

ЛЭИС

Проваливай, злодей, а не то я проломлю тебе голову!

МИЛЕКТ

Ты на это замахнешься?

ФРИГИЙ

Прощай, чудак! Пойдем, сладкая *Лэис*, уйдем отсюда и сохраним мир в душах. Но сперва давай споем. В мелодиях голосов гораздо больше приятного, чем в запахах орудий.

< Песня >

МИЛЕКТ

Теперь давайте поспешим, пока *Александр* не застал нас здесь.

V, 4
< Там же >

АЛЕКСАНДР, ГЕФЕСТИОН, ПАЖ, ДИОГЕН,
АПЕЛЛЕС, КАМПАСПА

АЛЕКСАНДР

Мне кажется, *Гефестион*, ты более меланхоличен, чем обычно; но чувствую, это все из-за *Александра*. Ты не можешь нарушить ни перемирия, ни моего покоя. Находясь в прекрасном оцепенении, я задремал, но не заснул.

ГЕФЕСТИОН

Меланхолия? Нет, это не обо мне, хотя я и не в порядке, потому что не знаю, как в ходе этой долгой передышки какая-то ржавчина пробралась в мои мозги, и, боюсь, не смогу ее вывести иначе как находясь в состоянии постоянных трудов.

АЛЕКСАНДР

Да, конечно, если походы по завоеванию мира потребуют твоего или моего участия, мы предпримем их. Но что ты думаешь об *Апеллесе*? Ты кого-нибудь когда-нибудь видел в таком замешательстве? Он не отвечает прямо ни на один вопрос и не имеет твердого взгляда ни на один предмет. Даю жизнь в залог, художник влюблен.

ГЕФЕСТИОН

Может быть. Мы-то видим обычно проявления любви уже запечатленными в произведениях искусства, уже преображенными в творениях: в деревянном голубе *Архидема* или статуе *Пигмалиона*, вырезанном из дерева Ле-

беде *Архана*. Художники же, которые работают со своим воображением, должны изображать остановившийся взгляд, в то время как он в действительности блуждает; он моргает, а художник останавливает его, улучшает и никогда не может закончить, пока сам не попадет в плен этого взгляда; а затем, бедняги, они готовы целовать те краски, которые сами же и наложили и от которых до того сами отмывали свои пальцы.

АЛЕКСАНДР

Я с этим разберусь. Паж, быстро иди к *Апеллесе*, пусть придет сюда, а когда застанешь нас за честной беседой, внезапно крикнешь: “Мастерская *Апеллеса* в огне!”

ПАЖ

Все исполню.

АЛЕКСАНДР

Ничего не забудь!

< ПАЖ уходит >

ГЕФЕСТИОН

Не понимаю, что ты задумал.

АЛЕКСАНДР

Вероятное должно быть доказано.

ГЕФЕСТИОН

Мне жаль бедного художника, если он окажется влюбленным.

АЛЕКСАНДР

Не жалея его, умоляю тебя, отбрось эту мрачную серьезность. Что ты думаешь о любви?

ГЕФЕСТИОН

То же, что македоняне о ботве свеклы, которая выглядит желтой, пока в земле, и становится черной в руках. На нее лучше смотреть со стороны, чем оказаться в нее вовлеченным.

АЛЕКСАНДР

Как ты представляешь ее себе?

ГЕФЕСТИОН

Как Слово, которое, по преданию, мыслится божественным, но при употреблении становится шуткой и, подчиняясь своей собственной природе, самопроизвольно превращается в болтливое безумие.

АЛЕКСАНДР

Ты слишком жестокосерд, если так думаешь о любви. Давай подойдем к *Диогену*. *Диоген*, ты, видимо, думаешь, что *Александр* пришел к тебе слишком скоро.

ДИОГЕН

Если идешь учиться, невозможно прийти слишком скоро, если посмеяться, то ты пришел даже слишком скоро.

ГЕФЕСТИОН

Было бы лучше, если бы ты был пообходительнее и настроил себя полюбезнее.

ДИОГЕН

А тебе бы лучше бывать здесь пореже, если тебя это так расстраивает.

АЛЕКСАНДР

Что ты думаешь о том, как мы здесь проводим время?

ДИОГЕН

То, что у нас его мало, а теряем мы его много.

АЛЕКСАНДР

Если человек заболевает, что ты ему посоветуешь?

ДИОГЕН

Не записывать наследства на своего лекаря.

АЛЕКСАНДР

Будь на то твоя воля, каким бы количеством земли ты хотел бы обладать?

ДИОГЕН

Таким же, как и ты в конце своей жизни.

АЛЕКСАНДР

Что, всем миром?

ДИОГЕН

Нет, куском земли, равным длине моего тела.

АЛЕКСАНДР

Гефестион, может, мне быть помягче с ним?

ГЕФЕСТИОН

Можешь, только он будет еще капризнее с тобой.

АЛЕКСАНДР

Это не притворство, я не могу на него сердиться. *Диоген*, заклинаю тебя, как ты относишься к любви?

ДИОГЕН

Немного хуже, чем к ненависти.

АЛЕКСАНДР

Почему?

ДИОГЕН

Потому что лучше ненавидеть то, что заставляет тебя любить, чем любить то, что при случае придется ненавидеть.

АЛЕКСАНДР

Отчего, разве женщина не лучшее создание на свете?

ДИОГЕН

После мужчин и пчел.

АЛЕКСАНДР

А что тебе, собственно не нравится в женщине?

ДИОГЕН

Одно единственное.

АЛЕКСАНДР

Что?

ДИОГЕН

То, что она женщина.

АЛЕКСАНДР

По моему разумению, ты не был рожден женщиной, если так жестоко о них судишь. Но вот идет *Апеллес*, который, я уверен, на-

столько же далек от твоих суждений, как ты от его мастерства. *Диоген*, я передвину твою бочку поближе к моему дворцу, потому что собираюсь стать философом.

ДИОГЕН

Когда ты это сделаешь, я попрошу тебя передвинуть твой дворец подальше от моей бочки, потому что я не собираюсь становиться придворным.

<Входит АПЕЛЛЕС >

АЛЕКСАНДР

Так, вот и *Апеллес*. *Апеллес*, какая часть твоей работы уже воплощена?

АПЕЛЛЕС

Не воплощено ничего. Это подобно вашему величию: замысел хранится в голове.

АЛЕКСАНДР

Думаю, что ты вбил его себе в голову. Что-нибудь насчет *Венеры*?

АПЕЛЛЕС

Нет, кое-что, что выше *Венеры*.

ПАЖ

Апеллес, *Апеллес*, смотри, твоя мастерская в огне!

АПЕЛЛЕС

О, боже, если портрет *Капасны* сгорит, я уничтожен!

АЛЕКСАНДР

Постой, *Апеллес*, не спеши! Это твое сердце в огне, а не мастерская. Если б *Кампасна* находилась там, я уверен, она бы сгорела. Так у тебя есть копия *Кампасны*? Похоже ты любишь ее да так, что тебя не заботит ничего, лишь бы она была спасена.

АПЕЛЛЕС

Я люблю не ее. Ваше величество знает, что художники в последних работах, как говорится, превосходят самих себя. И этой работой я так доволен, что изображенное на ней мне приносит столько же наслаждения, сколько оригинал тем, кто в него влюблен.

АЛЕКСАНДР

Ты расписываешь слишком грубо. Хотя я и не блистал в твоей мастерской, но я отыскал тебе оправдание. Не стыдись, *Апеллес*, быть влюбленным – состояние достойного человека. <Слугам > Позовите сюда *Кампасну*. Думаю, я имею право вторгнуться в твои чувства; хотя в моем совете нет необходимости, но с моим мнением можно и посчитаться. Ну, *Апеллес*, перестань любить исподтишка и к тому же под носом у *Александра*, и... Но я умолкаю.

АПЕЛЛЕС

Любовь *Апеллеса* не такова, но он живет для того, чтобы поступать, как угодно *Александр*у.

<Входит КАМПАСПА>

АЛЕКСАНДР

Кампаспа, есть новость, *Апеллес* любит тебя.

КАМПАСПА

Любезно с Вашей стороны говорить об этом.

АЛЕКСАНДР <в сторону>

Гефестион, я испытаю и ее. *Кампаспа*, множество прекрасных качеств *Апеллеса* и чистота, которую я вижу в тебе, полагаю, доставят вам удовольствие при общении друг с другом. Что скажешь, *Кампаспа*, на сказанное мной?

КАМПАСПА

Ваша служанка обязана повиноваться, если вы приказываете.

АЛЕКСАНДР <в сторону>

Не кажется ли тебе, *Гефестион*, что такой приказ ей по нраву?

ГЕФЕСТИОН

Я не читаю мыслей, но, к несчастью, догадываюсь о них.

АЛЕКСАНДР (КАМПАСПЕ)

Я не могу настаивать на браке там, где не обнаруживается любви.

КАМПАСПА

Но Ваше величество вправе задать вопрос, когда составляет пару.

АЛЕКСАНДР

Верь мне, *Гефестион*, эти двое сговорились, они меня пленяют и душою и умом. *Апеллес*, бери *Кампаспу*, что же ты застыл? *Кампаспа*, бери *Апеллеса*: или этому не бывать? Если вы стыдитесь друг друга, то по моему велению вы больше никогда не встретитесь. Ну, *Кампаспа*, не притворяйся, ты любишь *Апеллеса*?

КАМПАСПА

Простите, милорд, да, я люблю *Апеллеса*!

АЛЕКСАНДР

Апеллес, было бы позором, будучи любимым так открыто и страстно девушкой, ответить ей противным. Ты любишь *Кампаспу*?

АПЕЛЛЕС

И только *Кампаспу*!

АЛЕКСАНДР

Два влюбленных плебея, *Гефестион*. Я постиг, что *Александр* не может подчинить чувств людей, хоть он и подчинил их страны. Любовь выпадает, как роса, и на полегшую траву, и на высокий кедр. У искр есть тепло, у муравьев кислота, у мух назойливость. Что ж, наслаждайтесь друг другом. Я отдаю ее тебе по чести, *Апеллес*. Ты увидишь, что для *Алек-*

сандра любовь – только игрушка, он берет свои чувства под уздцы, играет с фантазией, как с дурочкой, заставляя ее знать свое место, или как с менестрелем для увеселения. Не любовный взгляд глаз порождает в сердце тоску по идеалу. Нет, нет, это все детские игры для портных или школяров. Стяжки на лоскуте не стоят размышлений, и заимствующий из книг мало интересен. Ступай, *Апеллес*, возьми с собой *Кампаспу*. *Александр* пресыщен созерцанием того, что тебя восхищает.

АПЕЛЛЕС

Благодарю, Ваше величество, преклоняя колена. Вы удостоили чести *Апеллеса*.

КАМПАСПА

Благодарность от всего сердца за то, что вы благословили *Кампаспу*.

<АПЕЛЛЕС и КАМПАСПА уходят>

АЛЕКСАНДР

Паж, ступай, предупреди *Клита*, *Пармениона* и других воинов о готовности. Пусть трубят трубы и бьют барабаны. Я отправляюсь в поход на Персию. Ну, что, *Гефестион*, способен *Александр* вырвать любовь с корнем?

ГЕФЕСТИОН

И взятие Фив не было столь славным, как подчинение этих мыслей.

АЛЕКСАНДР

Было бы позором для *Александра*, желающего подчинить себе весь мир, не суметь справиться с собой.⁵⁰ Ну, вперед, идем же. Я постараюсь, чтобы моя рука была в большем согласии с сердцем, чем она согласовалась с глазом. И, мой добрый *Гефестион*, когда весь мир будет завоеван и все страны станут принадлежать тебе и мне, найди мне дело, иначе, даю слово, я непременно влюблюсь.⁵¹

⁵⁰Плутарх утверждал: «Если же доходило до дела, *Александра* не могли удержать, как это не раз бывало с другими полководцами, ни вино, ни сон, ни развлечения, ни женщины, ни занимательные зрелища» [Плутарх 1990: XXIII, 384].

⁵¹Самообладание и целомудренность *Александра* вошли в легенду. Плутарх отмечает, что *Александр* признавал, что вид персиянок мучителен для глаз, но относился к ним, как будто они были не живыми женщинами, а безжизненными статуями [Плутарх 1990: XXI, 382].

Список литературы

Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2 т. М., 1990. Т. 2. *Александр* и *Цезарь*.

Lyly J. The Complete Works / Ed. by R.W.Bond. P.302-360.
In 3 v. Oxford: Oxford University Press, 1973. V.2.

**THE PLAY *CAMPASPE* BY JOHN LYLY.
THE TRANSLATION AND COMMENTARY**

Elena N. Chernozemova
Professor of World Literature Department,
Moscow Pedagogical State University

We finish publishing the Russian version of «Campaspe» («A moste excellent Comedie of Alexander, Campaspe, and Diogenes, Played before the Queenes Maiestie on twelwe day at night by her Maiesties children, and the children of Poules». First print.1584) by John Lyly (?1554-1606) and the commentary by the translator and researcher E.N.Chernozemova. The article about the play, the list of personages, three acts and commentary were published earlier in *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. This issue contains the fourth and fifth acts.

Key words: English Literature; Renaissance comedy; John Lyly; translation; commentary.